

Е.Г. Водичев*

E.G. Vodichev*

**На периферии науки:
вузы на востоке СССР в период
«позднего сталинизма»****

**On the Periphery of Science:
Higher Education Establishments
in the East of the USSR During
the “Late Stalinism” Years**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-1-8

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-1-8

УДК 582.29:504.3.054(571.14)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Водичев Е.Г. На периферии науки: вузы на востоке СССР в период «позднего сталинизма» // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 92–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-08.pdf>

Vodichev E.G. On the Periphery of Science: Higher Education Establishments in the East of the USSR During the “Late Stalinism” Years // Historical Courier, 2020, No.1 (9), pp. 92–104. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-08.pdf>

Abstract. The paper is devoted to identifying the place of higher education establishments as part of the scientific potential of the eastern regions of the country in the second half of the 1940s – early 1950s. It contains the analysis of correlations between capacities of the institutions of higher education and the priorities of current and future economic policies in the East of the USSR. The sectoral and territorial structure of higher education establishments is presented, and the potential of higher education personnel is assessed. According to the author, contrary to the requirements of economic and technological imperatives, during the period under review, higher education in the eastern regions of the country developed according to an inertial, pre-war scenario based on the mobilization paradigm. This called into question its ability to adequately respond to the challenges of the time, both in terms of scientific research, and in terms of the quality and scale of training for the future development of the economy.

Keywords: “late Stalinism”; eastern regions of the USSR; mobilization; modernization; economic policy; scientific potential; graduate School.

The article has been received by the editor on 09.01.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена определению места высшей школы как части научного потенциала восточных регионов страны во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Проведен анализ корреляций между потенциалом вузов и приоритетами текущей и перспективной экономической политики на востоке СССР. Проанализирована отраслевая и территориальная структура вузов, дана оценка возможностей кадрового потенциала высшей школы. По мнению автора, вопреки требованиям экономических и технологических императивов, в рассматриваемый период высшая школа в восточных регионах страны развивалась по инерционному, довоенному сценарию, базировавшемуся на мобилизационной парадигме. Это ставило под сомнение ее возможности адекватно ответить на вызовы времени как в аспекте научных исследований, так и в плане качества и масштабов подготовки кадров для перспективного развития экономики.

* **Водичев Евгений Григорьевич**, доктор исторических наук, Новосибирский государственный технический университет, Томский государственный национальный исследовательский университет, e-mail: vodichev@corp.nstu.ru

Vodichev Evgeny G., Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State Technical University, Tomsk State National Research University, e-mail: vodichev@corp.nstu.ru

** Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00170 «Наука и ученые в восточных регионах России в мобилизационной парадигме (1930-е – начало 1950-х гг.)».

Ключевые слова: «поздний сталинизм»; восточные регионы СССР; мобилизация; модернизация; экономическая политика; научный потенциал; высшая школа.

Постановка проблемы, рабочая гипотеза и цель статьи

В работах по истории гражданского общества и истории экономики высшую школу обычно рассматривают как один из элементов интегрированной системы производства и распространения научных знаний. Это – дань давно сложившейся историко-социологической традиции, в рамках которой изучается формирование и развитие социальных институтов науки и высшего профессионального образования, научного потенциала страны и ее отдельных регионов. Однако даже беглого взгляда на историографию развития высшей школы достаточно, чтобы отметить, что в большинстве случаев исследователи обращают внимание на несоответствие результатов вовлеченности советских вузов в научную деятельность формальным показателям этого сегмента научной системы, таким как количество учреждений, численность занятых в этой сфере деятельности, объемы финансирования и т.п. При этом, однако, редко ставится вопрос о фундаментальных причинах таких расхождений. Также отмечается неоптимальный характер структуры сети высшей школы и дисбалансы в территориальном размещении вузов. Место и роль вузов в сфере генерации знаний критиковались и в 1930-е гг., и в послевоенный период, и в последующие годы советской истории. Основания для критики различны, но ее масштабы и острота логичным образом заставляют задуматься о наличии парадигмальных оснований для проявления системной неэффективности научной деятельности в советской высшей школе, а также несоответствия потенциала вузов задачам экономической политики. Отдельные успехи и позитивные практики, которые, конечно же, существовали, не могли изменить общую, весьма проблематичную картину.

На наш взгляд, ключевой проблемой и отправной точкой возникновения такой ситуации стали базовые условия, которые определила господствующая в стране мобилизационная парадигма. Она оказывала критически важное влияние на конфигурацию социальных институтов, а также на сценарии и алгоритмы общественного развития¹. Сформировавшись на рубеже 1920–1930-х гг., мобилизационная парадигма довлела над советской экономикой и обществом в целом на протяжении нескольких десятилетий, а в некоторых аспектах сохранялась вплоть до распада СССР. Более того, в условиях послевоенного восстановления экономики страны она укрепилась и получила новый импульс развития. В силу инерционности советской социальной системы, последствия воздействия мобилизационной парадигмы на состояние высшей школы как части научного потенциала в периферийных регионах СССР должны были оказаться весьма устойчивыми и долговременными. В этом, собственно, и заключается рабочая гипотеза, постулированная в рамках данной статьи. Однако социологические и политологические постановки вопроса приобретают большую конкретность и точность, если их удастся подтвердить эмпирическими аргументами. В таком качестве вполне могут выступать результаты исследований развития потенциала отдельных социальных институтов, в т.ч. и социального института высшей школы, реализованные на материалах конкретного региона и в конкретный период времени.

Соответственно, цель статьи – характеристика потенциала высшей школы на востоке СССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. (в период «позднего сталинизма») в приложении к совокупности социально-экономических вызовов, стоящих перед научным комплексом этого макрорегиона. В статье будет показано, каким образом мобилизационная парадигма развития определила специфику потенциала высшей школы как сегмента научного комплекса Сибири, и ограничила возможности адекватного реагирования на вызовы времени.

---

¹ См. подробнее: Водичев Е.Г. Наука и высшая школа: дихотомия мобилизационной парадигмы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 3, ч. 1. С. 58–78.

Теоретический анализ: краткий экскурс в методологию исследования

При проведении исследования, результаты которого отражены в данной статье, использовались концепты, представленные в истории гражданского общества, экономической истории и социологии. Отправной точкой является совокупность представлений о категории «социальный институт», под которым понимается исторически сложившаяся или специально созданная форма организации деятельности, определяющая содержание и форму удовлетворения определенных потребностей общества. В данном случае речь идет о социальном институте советской высшей школы.

Принципиально важным является положение о том, что высшая школа как социальный институт всегда ориентирована и на трансляцию, и на генерацию знаний. Это не только теория, но и давно и прочно апробированная мировая практика. В большинстве стран мира успешные университеты и технологические институты одновременно являются и признанными научными центрами, эффективно соединяя научные исследования и образовательную деятельность. Наиболее успешные, но весьма редкие отечественные практики как из советского прошлого, так и современной России, также подтверждают этот тезис. Но в целом, как и во многом другом, в области развития системы высшей школы страна пошла своим путем, расставив акценты, главным образом, на образовательной деятельности, а в некоторые периоды истории – и на социализирующей и индоктринирующей функции вузов, но не генерации новых научных знаний².

Баланс двух взаимосвязанных функций – производства знаний и технологий, и тиражирования знаний через подготовку специалистов – оказался нарушен. Представляется, что определяющую роль в этом дисбалансе как раз и сыграла мобилизационная парадигма развития. Под ней понимается совокупность фундаментальных установок и представлений, включая как идеологемы, так и практическую политику, ставшая ключевым нормирующим и регулирующим императивом социальных институтов советского общества³. Именно принципы мобилизации легли в основу стратегии модернизации страны еще на рубеже 1920–1930-х гг., и выйти за рамки этой программы не удалось и в послевоенные годы. В СССР мобилизационная парадигма развития и стратегия модернизации оказались теснейшим образом связаны с индустриализационным вектором развития. В приложении к высшей школе СССР это определило возникновение специфической дихотомии в ее деятельности, сохранявшейся не только в период «позднего сталинизма», но и вплоть до распада СССР.

При проведении статистического анализа автором использовались материалы государственной статистики из фондов Российского государственного архива экономики.

Результаты исследования

Политика в отношении науки и высшей школы: базовые условия. Как известно, в системе организации научной деятельности в СССР существовало три основных сегмента: академическая наука, в теории (но не на практике!) занятая, прежде всего, фундаментальными исследованиями, отраслевая наука, включая ее оборонный компонент, ориентированная на получение прикладных знаний и разработок, а также вузовская наука, которая должна была обеспечивать прирост как фундаментальных, так и прикладных научных результатов⁴. Существовала еще и т.н. «заводская» наука, призванная заниматься адаптацией разработок к условиям конкретного производства, т. е. главным образом задачами, связанными с технологией. Но большинство исследователей все же включают этот сегмент научного комплекса в состав отраслевой науки.

² См. об этом: *Водичев Е.Г., Лисс Л.Ф., Узбекова Ю.И.* Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. Новосибирск, 2013. 396 с.

³ *Красильников С.А.* Раннесоветский опыт социальной мобилизации: история для теории // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 38–45.

⁴ См.: *Лахтин Г.А.* Организация советской науки: история и современность. М., 1990. 224 с.

В системе идеологием советского времени науке отводилась принципиально важная роль при решении задач модернизации страны, но это же определяло и узкий, инструментальный подход к пониманию значимости тех или иных направлений исследований и разработок. При определении стратегии развития науки ключевую роль играли либо политические визионеры, либо далекие от науки управленцы. При этом велико было давление идеологов на «тело» науки и опасность вторжения в структуру производства знаний и систему научных коммуникаций, подчиненных целям ускоренной модернизации на основе мобилизации всех типов ресурсов. История советской науки насыщена подобными примерами, которые уже неоднократно становились предметом специальных исследований⁵. В итоге в рамках мобилизационной модели развития в условиях тоталитарного режима не удалось ни сформировать комплексную стратегию развития научных исследований, ни создать сбалансированную и работающую модель организации науки – теория от практики отличалась разительным образом, и далеко не в лучшую сторону. Наука и профессиональное образование фактически оказались приравнены к отраслям экономики, и на них были распространены алгоритмы управления, которые применялись и в других экономических подсистемах. Вектор развития науки и высшей школы диктовался экономическими императивами и детерминантами.

Вплоть до второй половины 1950-х гг. о научной политике в СССР можно было говорить лишь с высокой долей условности. Не существовало и единой структуры, которая могла бы эффективно обеспечить интегрирование интересов и координацию деятельности научных подсистем. Политика в отношении науки оказалась замещенной своего рода «протополитикой», где место науки занял «технический прогресс»⁶. Такая ситуация, сложившись в период индустриализации, в полной мере сохранялась и в послевоенные годы: понимания концептуальных связей между наукой, профессиональным образованием, техникой и технологиями на высших уровнях управления практически не существовало. Во всяком случае, за исключением военно-промышленного сектора, где альтернативные подходы к управлению пробивали себе дорогу при решении оборонных задач, связанных с созданием перспективных систем вооружения, она не нашла воплощения в стратегических установках экономической политики⁷. Вузы в целом были ориентированы на подготовку специалистов массового профиля для развития производства в рамках сложившегося технологического уклада. Научно-исследовательская работа, к которой их постоянно призывали в политических реляциях, в реальности оставалась на глубокой периферии деятельности высшей школы. К тому же развитие науки и образования определялось рассогласованными интересами отраслевых ведомств, под которыми зачастую не имелось никакой научной основы.

Особенности экономического потенциала востока СССР. Сказанное выше относилось к системе высшего профессионального образования в целом, и, естественно, приобретало еще более отчетливые проявления в приложении к ее региональным сегментам. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. ситуация на востоке СССР имела определенную специфику, вызванную последствиями войны, массовой эвакуацией и лишь частичной реэвакуацией промышленных предприятий в регионы их прежней локализации. Параллельно в силу военно-стратегических соображений на востоке ускоренными темпами формировались новые предприятия военно-промышленного комплекса, обладавшие самостоятельной системой научно-технического обеспечения, весьма передовой по тем временам, но

⁵ См., напр., *Кожевников А.Б.* Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 26–58; *Graham Loren R.* Science and philosophy in the Soviet Union. New York, 1972. 584 p.; *Josephson Paul R.* Totalitarian Science and Technology. Second Edition. New York; Prometheus Books, 2005. 181 p.; и др.

⁶ *Водичев Е.Г.* Советская научная политика в период «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.): маркеры и метаморфозы // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 41–53.

⁷ См.: *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. 356 с.; *Артемов Е.Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. 343 с.

развивавшиеся в рамках собственной отраслевой логики при минимальном учете потребностей регионального развития. «Интенсифицируя оборонное производство, война резко затормозила развитие традиционной экономики в регионе. ...Война отрицательно сказалась на состоянии местной промышленности, всех видов транспорта. Чрезвычайные обстоятельства военного времени имели краткосрочное влияние на темпы индустриального развития Сибири. Они в дальнейшем затормозились в связи с процессами реконверсии, а в некоторых важнейших промышленных центрах наблюдалось даже снижение выпуска валовой продукции. ...Отрицательные последствия войны сказывались на экономике Сибири вплоть до середины 50-х годов, поскольку на ее территории оказались производства, которые в мирное время здесь никто бы не стал создавать»⁸.

В итоге, к началу 1950-х гг. экономическая ситуация на востоке СССР в целом выглядела весьма проблемной. Уровень милитаризации производства в Сибири оказался выше, чем в стране в целом, а разрыв между оборонными и гражданскими секторами промышленности – еще более глубоким. Для исправления такого положения дел были необходимы масштабные инвестиции в развитие и технологическое обновление гражданского производства. Вместе с тем, в условиях послевоенной реконструкции экономики и переноса акцентов в экономической политике на регионы западной части страны, доля Сибири и Дальнего Востока в инвестициях в 1946–1950 гг. по сравнению с предвоенным периодом не только не возросла, но и существенно снизилась. Да и в целом в стране не предполагалось в ближайшей перспективе проведения каких-либо значимых структурных реформ. В первые послевоенные годы безусловным приоритетом оставалось развитие тяжелой промышленности и укрепление оборонного потенциала⁹.

В первые послевоенные годы структура экономики востока России изменилась, причем также в неблагоприятную сторону. Снижался удельный вес черной металлургии, машиностроения и металлообработки, химической промышленности, легкой промышленности. Напротив, доля отраслей, производящих сырье, а также доля предприятий топливно-энергетического комплекса возросла¹⁰. Соответственно, экономика восточных регионов все более ориентировалась на ресурсные отрасли, оставаясь лишь базой для промышленности европейской части страны. В итоге экономика Сибири по темпам развития уступала стране в целом.

В перспективе такое положение дел представляло опасность для страны в целом. Чрезмерная концентрация перерабатывающей промышленности в центре и на западе СССР, а ресурсных отраслей и отраслей первичной переработки – на востоке, уже в среднесрочной перспективе могла привести к транспортному коллапсу, в особенности принимая во внимание наличие лишь одной стратегической транспортной артерии, соединяющей запад и восток СССР – Транссибирской железнодорожной магистрали. С другой стороны, возникало все больше проблем и в региональном экономическом комплексе. Внутренние деформации структуры производства Сибирского региона тормозили региональную экономику, создавая экономические, социальные и экологические вызовы (о последних, правда, в то время мало кто думал). Но и ресурсные отрасли экономики нуждались в скорейшем техническом перевооружении. Осознание нарастающих рисков не только для системы производства восточных территорий, но и экономического комплекса страны в целом, приводило к поискам путей преодоления асимметрии и возвращению к вполне логичному акценту 1930-х гг. на ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока.

⁸ Сибирь на пороге нового тысячелетия. Новосибирск, 1998. С. 14.

⁹ XIX Съезд ВКП(б)–КПСС (5–14 октября 1952 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/files/uploads/_sezd_.pdf. (дата обращения: 01.01.2020).

¹⁰ Экономические проблемы развития Сибири. Методологические проблемы развития и размещения производительных сил. Новосибирск, 1974. С. 28–31.

Вузовский «ландшафт» на востоке страны в условиях вызовов послевоенного времени

Базовые условия послевоенного времени. Наряду с практикой реализации индустриализационных сценариев 1930-х гг., последствия ситуационных решений военных лет стали отправной точкой для оценки состояния высшей школы на востоке СССР. Вузы, как и предприятия промышленности, в массовом порядке эвакуировались на восток. Только в Западную Сибирь было вывезено свыше 30 таких учреждений. На базе эвакуированных институтов в Сибири возник ряд новых вузов, которые затем получили в регионе постоянную «прописку». Еще более интересен тот факт, что в годы войны сформировались новые механизмы региональной координации научной деятельности, направленные на усиление НИОКР, ориентированных на решение практических задач и потребности военной экономики и социальной сферы. Эти механизмы, представленные, главным образом, региональными Комитетами ученых, актуализировали в чрезвычайных условиях военного времени потенциальные возможности вузов именно как научно-исследовательских учреждений.

Однако в последние военные и первые послевоенные годы процесс реэвакуации затронул вузы, как и научно-исследовательские институты, гораздо в большей степени, чем промышленные предприятия. В результате все более очевидным становился разрыв между потребностями производства, и ограниченными возможностями высшей школы восточных регионов и в аспекте направлений и качества подготовки специалистов, и в сфере научно-технологического обеспечения перспективных отраслей экономики. Как показывала практика, эта задача не могла быть эффективно решена за счет притока специалистов из вузов центра страны¹¹. Что касается форм интеграции и координации исследований, действовавших в экстремальных условиях войны, то о них быстро забыли, а масштабы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в вузах, насколько можно судить, сократились.

Вместе с тем во второй половине 1940-хх гг. на востоке СССР, как и в стране в целом, именно вузовский сегмент формировал основную в количественном отношении часть научного потенциала. По своей численности учреждения высшего профессионального образования в регионе превосходили не только организации академической науки, которая в первый послевоенный год была представлена лишь Западно-Сибирским филиалом АН СССР (другие восточные филиалы появились несколько позже¹²), но и институты отраслевой науки¹³. Что же касается общего количества занятых в них специалистов высшей научной квалификации, то здесь доминирующие позиции вузовской системы были неоспоримыми. Наибольшее представительство формировало и соответствующие ожидания от использования потенциальных возможностей вузовской науки в послевоенные годы.

Центростремительный тренд и территориальные дисбалансы. При ответе на вызовы времени основная нагрузка неизбежно должна была лечь на комплекс региональных вузов. Между тем территориальная конфигурация сети вузов и состояние их кадрового потенциала в первые послевоенные годы не давали повода для оптимизма. Высокий уровень концентрации научных учреждений в центре страны был характерен для всех секторов науки, в т.ч. и для сферы высшего образования. Однако в этом сегменте он имел несколько более сглаженный характер.

К началу 1946/1947 уч. г., когда процессы реэвакуации в основном завершились, в размещении вузов по территории страны доминировала центростремительная тенденция. В то же время в вузовском секторе она проявлялась не в столь резкой форме, как в академической или отраслевой науке. Во второй половине 1940-х гг. в центре страны (Центральный и Северо-Западный экономический районы) было расположено более четверти всех вузов

¹¹ Осташко Т.Н. Наука и ученые Сибири в годы Великой отечественной войны. Новосибирск, 2002.

¹² Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк. Новосибирск, 2007. С. 69–84.

¹³ Водичев Е.Г. В технологическом тупике: отраслевая наука на востоке СССР во второй половине 1940-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 139–147.

СССР и почти половина российских высших учебных заведений. Представляется, что логика территориального распределения вузов объяснялась, главным образом, спецификой решаемых сферой высшего образования задач. Тенденция к деконцентрации высшего профессионального образования проявилась раньше, чем в науке, и была выражена сильнее. Она определялась не столько принадлежностью сектора высшего образования к научной системе, сколько потребностью в насыщении территорий специалистами с высшим образованием. В особенности это касалось тех направлений подготовки, которые формировали общекультурную среду цивилизованной страны – учителей, врачей и т.п. Не случайно численность населения регионов наиболее тесно коррелирует с размещением университетов, а также педагогических и медицинских вузов.

Вузовская реформа первого послевоенного года также сыграла определенную роль в усилении деконцентрации высшей школой. В 1946 г. на базе Всесоюзного госкомитета по делам высшей школы возникло союзно-республиканское Министерство высшего образования. Его компетенция распространялась на университеты и значительную часть технических образовательных учреждений. Эта реформа несколько усилила региональную направленность в деятельности вузов. Была поставлена задача реструктуризации сети высшей школы по отраслям и регионам страны, включая упразднение слабых и открытие ряда новых институтов и университетов, а также укрепления их материально-технической базы и восстановления системы подготовки высококвалифицированных научно-педагогических кадров. Однако в целом во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. вузовская система восточных территорий характеризовалась тенденцией уменьшения количества высших учебных заведений в направлении с запада на восток. На Урале вузов было больше, чем в Западной Сибири, в Восточной Сибири – меньше, чем в Западной. Дальний Восток оставался на глубокой периферии вузовской системы. В принципе, это соответствовало пропорциям в численности населения восточных регионов, однако не коррелировало с объективными потребностями экономического развития страны.

Размещение системы вузов внутри Сибирского региона оказалось вполне предсказуемым, исходя из прежней логики ее развития. Более 60 % всех вузов работало на территории Западной Сибири, менее 40 % – Восточной. В 1946 г. на территории Сибири действовало 38 вузов и 16 учительских институтов. При этом следует подчеркнуть, что учительские институты вряд ли целесообразно относить к вузовскому сегменту науки. Они, как правило, не имели собственной инфраструктуры, действуя на базе педагогических институтов, собственного штатного расписания, и не вели какой-либо исследовательской деятельности¹⁴.

В Западной Сибири, где была сосредоточена большая часть вузов – 23 из 38 – явно выделялись три вузовских центра. Ведущую роль играли три региона – Новосибирская и Омская области, в которых действовало по шесть вузов, а также исторически первый университетский город на востоке России – Томск (пять вузов). На Алтае работало три вуза, в Кемеровской области – лишь два высших учебных заведения, в Тюменской, которая в экономическом отношении также в то время рассматривалась как часть Западной Сибири, – единственный в регионе педагогический институт.

В Восточной Сибири явным лидером оставался еще один исторически сложившийся центр высшего образования – Иркутск. В этой области действовало семь вузов – наивысший показатель среди прочих республик, краев и областей Сибирского региона. В Красноярском крае работало четыре вуза, в Бурят-Монголии – два, в Якутии и Чите – по одному высшему учебному заведению. Таким образом, в первые послевоенные годы Кузбасс, Тюмень, Улан-Удэ, Якутия, Чита олицетворяли собой вузовскую периферию. Что касается сопредельных с Сибирью регионов на востоке страны, то на Урале большинство вузов было сосредоточено в Свердловской, Пермской и Челябинской областях, в т.ч. университеты в Свердловске и Перми, а на Дальнем Востоке – в Хабаровске.

¹⁴ Пыстина Л.И. Научные кадры Сибири в 1946–1956 годах // Кадры науки советской Сибири: проблемы истории. Новосибирск, 1991. С. 156–157.

Профиль, территориальная и отраслевая структура высшей школы. Отраслевая структура сибирской высшей школы находилась под давлением изменявшихся экономических и социокультурных потребностей региона. В Сибири были представлены высшие учебные заведения различного профиля, однако их вес в региональном потенциале высшей школы был различным. Наибольшее число вузов – 12, или почти треть от их общего числа – составляли педагогические институты. Эти вузы относительно равномерно распределялись по территории региона, однако они, как правило, меньше чем вузы других направлений, ориентировались на научно-исследовательскую работу.

Вторая по количеству категория вузов – технические институты, включая вузы транспортного и строительного профиля. Они составляли около 30 % от общего количества учреждений высшей школы. Однако именно в этой категории высших учебных заведений неравномерность территориального распределения прослеживается отчетливо и очевидно. Из семи промышленных и общетехнических вузов пять (71,1 %) находились на территории Западной Сибири. В этой же части Сибирского региона действовали все строительные и транспортные вузы. Два технических высших учебных заведения на территории Восточной Сибири – в Иркутске и Красноярске – имели общетехнологический характер.

Доля сельскохозяйственных и медицинских вузов была равной и составляла по 15,8 % (или по шесть вузов каждой категории). Две трети сельскохозяйственных вузов работало в Западной Сибири, одна треть – в Восточной Сибири, в Иркутской области и в Бурят-Монголии. Медицинские вузы размещались по территории региона более равномерно – по три вуза в Западной и Восточной Сибири. Университеты также были равномерно распределены по территории региона. Такую ситуацию можно было признать вполне удовлетворительной, если бы речь не шла всего о двух вузах этого типа – в Томске и Иркутске. В целом, университеты составляли около 2,6 % в структуре вузовской системы региона. Кроме этого на территории Сибири действовал лишь один вуз, относившийся к категории «экономика и право» – Иркутский финансово-экономический институт.

В целом, показатели структуры сети вузов Сибири были близки к средним по СССР и по РСФСР, незначительно уступая им по доле высших учебных заведений технического профиля и университетов, и значительно – по удельному весу вузов отрасли «экономика и право». Однако субрегиональное распределение вузов разного типа свидетельствовало о наличии больших лагун, которые неизбежно должны были сказаться на возможностях подготовки специалистов для перспективных отраслей экономики и научного сопровождения социально-экономического развития региона уже в ближайшие годы.

Место конкретного вуза или группы вузов в системе высшего образования страны определялось профилем, масштабами и качеством подготовки специалистов. В этом плане по-прежнему выделялись ведущие центры образования и науки – классические университеты в Томске и Иркутске, а также Томский политехнический институт (ТПИ) – прообраз исследовательского технического университета. На Урале аналогичное место занимали Уральский государственный университет и Уральский политехнический институт в Свердловске. Одной из самых значительных в Сибири оставалась группа вузов, сосредоточивших наибольший контингент студентов. Кроме ТПИ, остальные технические институты региона были отраслевыми. Сельскохозяйственные вузы отличались небольшими размерами и достаточно рациональным размещением в районах с аграрной специализацией.

Самой многочисленной в Сибири являлась группа педагогических институтов, как правило, совсем небольших учебных заведений, хуже других обеспеченных квалифицированными преподавателями и основными фондами. Напротив, медицинские институты располагали необходимой материальной базой и обладали наиболее квалифицированным преподавательским составом в системе высшей школы. Заочное и вечернее образование в первые послевоенные годы развивалось весьма слабо. Например, в Западной Сибири только девять вузов вели заочную подготовку и четыре – вечернюю.

В целом отраслевая структура вузов отражала хозяйственную специализацию региона, сложившуюся к началу 1940-х гг. Однако система высшего образования оказывалась не в

состоянии удовлетворить стремительно растущий спрос на специалистов со стороны как традиционных, так и новых отраслей экономики, не говоря уже о реализации профильных научных исследований и разработок (НИОКР) и, тем более, о региональной координации таких работ.

Кадровый потенциал высшей школы Сибири: региональная и субрегиональная специфика и возможности для НИОКР. Именно к вузовской системе в первые послевоенные годы принадлежала и большая часть специалистов, обладающих учеными степенями и званиями. Всего в вузах региона к 1947 г. работали около 3750 чел. научно-преподавательского персонала (НПК), почти 1000 из которых имели ученые степени¹⁵. Территориальное распределение научно-педагогических кадров в Сибирском регионе в целом отражало размещение самих высших учебных заведений. При этом имелись определенные особенности. Свыше двух третей НПК вузов (68,6 %) было сосредоточено в Западной Сибири, что несколько превышало удельный вес этого региона по концентрации высших учебных заведений (60,5 %). Соответственно, доля Восточной Сибири по количеству НПК уступала удельному весу этого региона по размещению вузов в регионе в целом (31,4 и 39,5 %).

Еще большей неравномерностью отличалось размещение НПК внутри региона. Оно существенно отклонялось по этому параметру от показателей территориального распределения высших учебных заведений. Абсолютным лидером в Сибири по численности НПК являлся Томск, где в шести вузах (13,2 % от общего количества вузов в Сибири) работала почти четверть всех НПК, в т.ч. почти треть НПК, имеющих ученые степени и звания. Аналогичные отклонения также фиксируются по НПК вузов Новосибирска и Омска в Западной Сибири, и Иркутска в Восточной Сибири.

Обратные пропорции были характерны для распределения НПК вузов в Алтайском крае, Тюменской и Читинской областях, в Якутии и в особенности в Бурят-Монголии, где в штате двух вузов (2,6 % от общего количества вузов Сибири) числилось всего лишь 30 чел. научно-преподавательского состава (0,8 % от всех НПК в Сибирском регионе). Эти данные позволяют судить о потенциальных возможностях вузов, расположенных в тех или иных регионах, и связанных с этим перспективах их развития.

Особенностью вузовского сегмента научного потенциала являлось наличие при некоторых высших учебных заведениях специализированных научно-исследовательских учреждений (НИУ). Существование таких организаций было, скорее, исключением, чем правилом. Доминирующая ориентация вузов на массовую подготовку специалистов и тиражирование знаний и навыков фактически препятствовала развитию научных подразделений в структуре образовательных институтов. В подавляющем большинстве случаев научно-исследовательская деятельность сотрудников вузов в послевоенные годы осуществлялась в рамках т.н. кафедральных форм, в свободное от образовательного процесса время, которого, естественно, не хватало. Две стороны единого в теории научно-образовательного процесса в вузах разделялись между собой сложившейся практикой.

Тем не менее из этого правила существовали исключения, касавшиеся, главным образом, университетов. Один из старейших вузов страны – Томский университет – имел в своей структуре специализированный НИИ – Сибирский физико-технический институт, известную и авторитетную в научном сообществе организацию, занимавшуюся фундаментальными исследованиями по широкому спектру проблем в области физики. В нем работали более 100 чел., в т.ч. свыше 30 научных сотрудников, половина из которых обладали учеными степенями и званиями. При Томском университете существовало еще два учитываемых государственной статистикой научных учреждения – Ботанический сад и Научная библиотека. В них работали, соответственно, 14 и 10 научных сотрудников, в т.ч. пять специалистов с учеными степенями докторов и кандидатов наук.

¹⁵ Эти расчеты близки к данным, ранее полученным Л.И. Пыстиной. См.: Пыстина Л.И. Научные кадры Сибири в 1946–1956 годах... С. 160.

Однако и Сибирский физтех в эти годы не демонстрировал бурного роста. Как справедливо отмечается в историческом очерке на сайте этой организации, «Первые послевоенные годы были в первую очередь периодом восстановления кадрового состава института. Эту задачу удалось решить к началу 50-х гг. в основном за счет вернувшихся из армии сотрудников и выпускников физико-математического факультета ТГУ, принятых на работу в СФТИ. В результате удалось воссоздать работоспособные научные коллективы. Однако по сравнению с довоенным 1940 г. ни в объеме финансирования института, ни в количестве штатных сотрудников увеличения к этому времени не произошло»¹⁶.

Специализированные НИУ действовали и при Иркутском университете – Биолого-географический институт и Научная библиотека. В них также работали по 10 научных сотрудников в каждом, в т.ч. четыре специалиста с учеными степенями. Таким образом, всего сеть специализированных НИУ при вузах состояла из пяти НИУ, в которых в совокупности работали 76 научных сотрудников, в т.ч. восемь докторов и 17 кандидатов наук¹⁷. Очевидно, что, за исключением Сибирского физико-технического института потенциал их был незначителен, и они не могли существенно повлиять на развитие науки в регионе. Это же относилось и к совокупному потенциалу высшей школы для реализации перспективных НИОКР.

Выводы

Анализ показывает, что высшая школа в восточных регионах страны в первые послевоенные годы развивалась по традиционному и инерционному сценарию. Это ставило под сомнение ее возможности адекватно ответить на вызовы времени как в аспекте научных исследований, так и в отношении качества и масштабов подготовки специалистов для перспективного развития экономики. Высшая школа Сибири и других территорий востока СССР стала в известной степени «заложником» мобилизационной парадигмы развития, одним из основных принципов которой стало жесткое выделение в экономике страны приоритетных и неперспективных секторов и территорий, а также продолжение использования связанных с ней сценариев догоняющей модернизации. Вузы Сибири к таким приоритетам не относились.

Делая такой вывод, следует принимать во внимание два обстоятельства. Во-первых, в эти годы наука вообще не входила в число государственных приоритетов, в отличие от техники и технологий. Этим определялись целевые установки для учреждений науки и высшей школы. Среди всех научных учреждений, наиболее ограниченными возможностями для научно-исследовательской деятельности располагали именно вузы. Несмотря на регулярные призывы органов власти и управления к повышению их роли в реализации научных исследований, приоритеты в высшей школе явно расставлялись в пользу обучения специалистов массовых профессий в рамках индустриализационной логики развития из прошлой эпохи и с уровнем подготовки, позволяющим обеспечить экономическое развитие в рамках сложившегося технологического уклада. К тому же, в любом случае имевшийся потенциал, инфраструктурные проблемы и почти исключительное использование лишь «кафедральных» форматов организации научно-исследовательской работы при отсутствии специализированных секторов и лабораторий и при огромной учебной нагрузке не позволяли высшей школе эффективно осуществлять научную деятельность.

Во-вторых, алгоритмы развития вузов на востоке страны стали функцией от экономических стратегий, в рамках которых Сибирский регион во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. оказался далеко за рамками территориальных приоритетов. Сохранялись экономические стратегии, обрекавшие Сибирь на статус внутренней колонии в рамках доктрины «регион для страны», но не «регион для региона». Соответственно, и в количественном, и в

¹⁶ Сорокин А.Н. Сибирский физико-технический институт имени академика В.Д. Кузнецова: история создания и деятельность в 1920-е гг. – 1991 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. С. 16.

¹⁷ Пыстина Л.И. Научные кадры Сибири: в 1946–1956 годах // Кадры науки советской Сибири: проблемы истории. Новосибирск, 1991. С. 158–159.

качественном отношении региональный сегмент высшей школы на востоке СССР уступал вузовскому потенциалу в центре и на северо-западе страны. Вузы Сибири, за редким исключением, не располагали необходимой инфраструктурой и не могли самостоятельно преодолеть хронические материально-технические, финансовые и кадровые проблемы, а адекватная поддержка со стороны государства фактически отсутствовала. Ограниченные кадровые ресурсы, в условиях реэвакуации вузов в регионы их постоянного размещения, во второй половине 1940-х гг. ощущались на востоке особенно остро. Первые послевоенные годы, когда, как и в производстве, основная часть средств направлялась на восстановление вузовской системы освобожденных районов в европейской части страны, стали для высшей школы восточных регионов особенно трудными. Восстановительные процессы затягивались на долгие годы. В Сибири укреплялись, прежде всего, ведущие вузы, рассматривавшиеся как точки роста, но их было крайне мало.

Потенциал высшей школы, которым располагала Сибирь во второй половине 1940-х гг., не удовлетворял региональным потребностям ни с социально-экономической, ни с социокультурной точки зрения. Как и размещенные в регионе учреждения иных сегментов науки, высшая школа лишь следовала за производством и другими отраслями экономики и социальной сферы, причем, как правило, с заметным отставанием. Не входя в число приоритетов экономики, основанной на принципах мобилизации, вузы Сибири продолжили свое существование, находясь в тенетах «индустриализационной» парадигмы, и не были готовы продемонстрировать опережающие темпы развития и проложить курс к технико-технологическим переменам. Лишь в первой половине 1950-х гг., в связи с вновь декларированным курсом на ускорение экономического развития восточных регионов страны, возникли предпосылки для некоторого изменения ситуации. Однако они воплотились в жизнь далеко не полностью и уже за пределами эпохи «позднего сталинизма».

Литература

Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: Политическая энциклопедия, 2006. 356 с.

Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 343 с.

Водичев Е.Г. Советская научная политика в период «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.): маркеры и метаморфозы // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2 (28). С. 41–53.

Водичев Е.Г. В технологическом тупике: отраслевая наука на востоке СССР во второй половине 1940-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 139–147.

Водичев Е.Г. Наука и высшая школа: дихотомия мобилизационной парадигмы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 3, ч. 1. С. 58–78.

Водичев Е.Г., Лисс Л.Ф., Узбекова Ю.И. Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. Новосибирск: Гео, 2013. 396 с.

Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 26–58.

Красильников С.А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации: история для теории // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 38–45.

Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. 224 с.

Осташко Т.Н. Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2002. 153 с.

Пыстина Л.И. Научные кадры Сибири в 1946–1956 годах // Кадры науки советской Сибири: проблемы истории. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 152–177.

Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

Сибирь на пороге нового тысячелетия. / отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 1998. 263 с.

Сорокин А.Н. Сибирский физико-технический институт имени академика В.Д. Кузнецова: история создания и деятельность в 1920-е гг. – 1991 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук, Томск, 2012. 23 с.

Экономические проблемы развития Сибири. Методологические проблемы развития и размещения производительных сил. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1974. 263 с.

XIX Съезд ВКП(б)–КПСС (5–14 октября 1952 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf (дата обращения: 01.01.2019).

Graham Loren R. Science and philosophy in the Soviet Union. New York: Knopf, 1972. 584 p.

Josephson Paul R. Totalitarian Science and Technology. Second Edition. New York; Prometheus Books, 2005. 181 p.

References

Artemov, E.T. (2006). *Nauchno-tekhnicheskaiya politika v sovetskoy modeli pozdneindustrialnoy modernizatsii* [Science and technological policy in the Soviet model of late industrialization]. Moscow, ROSSPEN, 356 p.

Artemov, E.T. (2017). *Atomnyy proekt v koordinatakh Stalinskoi ekonomiki* [Atomic project in the coordinates of the Stalin's economy]. Moscow, ROSSPEN, 343 p.

Ekonomicheskiye problemy razvitiya Sibiri. Metodologicheskiye problemy razvitiya i razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil [Economic problems of the development of Siberia. Methodological problems of the development and dislocation of the productive forces] (1974). Novosibirsk, Nauka Publishing House, Siberian Branch. 263 p.

Graham Loren, R. (1972). Science and philosophy in the Soviet Union. New York, Knopf, 584 p.

Josephson Paul, R. (2005). Totalitarian Science and Technology. Second Edition. New York; Prometheus Books, 181 p.

Kozhevnikov, A.B. (1997). Iгры stalinskoi demokratii i ideologicheskie diskussii v sovetskoi nauke: 1947–1952 [Games of the Stalin's democracy and ideological discussions in the Soviet science]. In *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*. No. 4, pp. 26–58.

Krasilnikov, S.A. (2018). Rannesovetskiy opyt sotsyalnoy mobilizatsii: istoriya dliya teorii [Early Soviet experience of social mobilization: history for the theory]. In *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (61), pp. 38–45.

Lakhtin, G.A. (1990). *Organizatsiya Sovetskoy nauki: istoriya i sovremennost'* [Organization of the Soviet science: history and modernity]. Moscow, Nauka. 224 p.

Ostashko, T.N. (2002). *Nauka i Uchenye Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy Voyny* [Science and scientists of Siberia in the years of the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Institute of History of SB RAS, 2002. 153 p.

Pystina, L.I. (1991). Nauchnye kadry Sibiri v 1946–1956 godakh [Science personnel of Siberia in 1946–1956]. In *Kadry nauki sovetskoi Sibiri: problemy istorii*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otделение, pp. 153–179.

Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoye otdeleniye. Istoricheskiy ocherk [Russian Academy of Science. Siberian Branch. A Historical Essay] (2007). Novosibirsk, Nauka, 510 p.

Sibir' na poroge novogo tysyacheletiya [Siberia on the threshold of the new Millennium] (1998). Institute of Economics and Organization of the Industrial Production, Novosibirsk, 263 p.

Sorokin, A.N. (2012). Sibirskiy fiziko-tekhnicheskii institut imeni akademika V.D. Kuznetsova: istoriya sozdaniya i deyatel'nosti v 1920-e – 1991 gg. [Siberian Physics and Technology Institute named after academician V.D. Kuznetsov: History of establishment and activity in 1920s–1991], Cand. hist. sci. diss. abstract. Tomsk. 23 p.

Vodichev, E.G. (2014). Sovetskaya nauchnaya politika v period “pozdnego stalinizma” (vtoraiya polovina 1940-kh – nachalo 1950-kh godov): markery i metamorfozy [Soviet science policy in the years of the “late Stalinism” (the second half of 1940s – beginning of 1950s): markers

and metamorphoses. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2 (28), pp. 41–53.

Vodichev, E.G. (2018). V technologicheskom tupike: otraslevaya nauka na vostoке SSSR vo vtoroy polovine 1940-kh gg. [In the technological deadlock: branch science on the East of the USSR in the second half of the 1940s]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 436, pp. 139–147.

Vodichev, E.G. (2019). Nauka i vysshaia shkola: dichotomiya mobilizatsionnoy paradigmy [Science and higher school: The dichotomy of the mobilization paradigm]. In *Idei i idealy*. Vol. 11. No. 3. Pt. 1, pp. 58–78.

Vodichev, E.G., Liss, L.F., Uzbekova, Yu.I. (2013). *Vysshaia shkola v usloviyakh sistemnykh transformatsii: sravnitel'no-istoricheskiy aspekt* [The higher school in the conditions of the systemic transformations: comparative historical aspect]. Novosibirsk, Geo. 396 p.

XIX S'ezd VKP (b)–KPSS (5–14 Oktyabrya 1952 g.). Dokumenty i Materialy [19th Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks – CPSU (5–14 October, 1952)]. Available at: URL http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf. (date of access: 01.01.2019)

Статья поступила в редакцию 09.01.2020 г.